

Рисунки автора

Продолжаем публикацию историко-философского эссе главного редактора газеты "Завтра". В нём писатель поведал о масштабных исторических событиях, свидетелем которых он явился, — сокрушении Красной страны, жутком безвременьи, когда остановились часы русской истории, и о новом русском рыцаре, русской контратаке, в которой Россия возвращает себе свою неизбежную историческую роль.

БОЙ ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ

Когда Путин был избран президентом России, он отправился к своим прежним сослуживцам в клуб КГБ, что расположен на улице Дзержинского возле Лубянки. Эта встреча транслировалась по телевизору. И я услышал его шутку: "Товарищи, задание Центра выполнено. Внедрение в банду состоялось". Шутка была рискованная — в обычной путинской манере. И все, что её слышал, решил, что бандой он шутило назвал то олигархическое ельцинское окружение, которое привело его к власти. Но это было ошибкой. Бандой он назвал иго, в недрах которого ему удалось проникнуть. Это было невероятно, неправдоподобно, как невероятным и невозможным было проникновение в 1941 году агента советской разведки в ставку Гитлера, но Путину это удалось. Он проник в святая святых ига с помощью самого ига, с помощью ельцинистов, которые делегировали его во власть. Такое было невозможно сделать одному человеку, но у Путина не было в ту пору союзников, и он действовал один. Нет, не один, ему помогало небо. Быть может, оно, небо, побудило его стать преемником Ельцина и стать президентом. И он, погружаясь в глубины ига, уповал на небо. Оно, небо, сопровождало его на всём его жизненном пути. Это сопровождаление началось раньше, быть может, с его самого детства. И если верить религиозным предначертаниям, то ещё до его рождения. Став президентом, Путин не обрёл всю полноту власти. Реальной властью в России были мощные телевизионные компании: НТВ, принадлежавшее Гусинскому, и ОРТ, вотчина Березовского. Телевизионные компании внушали потерпевшему поражение народу, что это поражение будет вечным. Они оспаривали

работки, и ядерный щит России дряхлел. В ядерные центры хлынули деньги, и учёные ревностно взялись за создание нового поколения ядерного вооружения, готовили заряды для ещё не существующих, лишь запланированных производств ракет и снарядов. В Комсомольске-на-Амуре я побывал на судостроительном заводе, который был приговорён Гайдаром к истреблению и являл собой жалкое зрелище опустевших стапелей и обезлюдивших цехов. Сюда пришли деньги, и Путин сберёт завод от истребления, и на стапелях появились первые заложенные дальневосточниками фрегаты. На великом заводе имени Чкалова в Новосибирске я видел, как налаживается производство бомбардировщика Су-34, который сегодня в Донбассе является главной ударной силой российских военно-космических войск. На самолётостроительном заводе в Комсомольске-на-Амуре видел, как осваивается производство истребителей пятого поколения, мне показывали стоящий на стапеле сверхзвуковой самолёт, ещё не видевший неба.

Великолепный, великий "Севмаш" в Северодвинске, государствообразующий завод, основа советского океанического флота. Там в цехах рождались десятки подводных лодок и наводняли мировой океан. Советские подводные лодки всплывали у берегов Флориды, курсировали у Мыса Доброй Надежды, и американцы называли советские базы подводных лодок на Камчатке осыными пёздами, из которых в час икс излетят грозные смертоносные осы и ужалат Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско.

Этот завод во времена Ельцина и Гайдара был обречён. Его отключили от финансирования, не закрывая, а позволяя умереть своей смертью. Великий директор завода Пашаев спасал его, как мог. Обмывал приезжавшего на завод Гайдара, прятал от

вас, надо верить в одоление ига, верить в будущий свет, верить в то, что и на нашей улице будет праздник. И Путин стремился вернуть русскому народу победу.

Победа России на Сочинской олимпиаде не была Куликовским полем или Бородинским сражением, она не была Сталинградом и Курской дугой. Но впервые русские одержали победу. Эта победа разрушила мрачную кладку, которой иго закупило русское сознание, поместив его в подземелье. Победа на Олимпиаде в Сочи стала предвестницей Крымской весны.

АНГЕЛ ХЕРСОНЕСА

Внутренние границы Советского Союза были эфемерны, прозрачны. Сквозь них свободно перемещались люди, грузы, поезда, двигались войска. Независимо на границе, создавались единые экономические районы, военные округа, министерства. Эти границы давно расплавились в расклеванном титле, где у народов Советского Союза была одна история, одна победа, одна центральная власть, одно грядущее.

Ельцин расчленил Советский Союз, двигая свой скальпель по контурной карте, проводил надрез по единой плоти, по единому народу, по состоявшейся общности. Эти надрезы закреплялись не в Беловежской пушке, они закреплялись в Сизтле, где Ельцину показали эту контурную карту, вложили в его неуклюжую руку скальпель и приказали: "Режь!" И по сей день границы России, нелепые, насильственно проведённые, относятся за пределами России великие русские пространства, могучие, построенные русскими заводы и города, населённые русскими, пребывающими в неволе, людими.

Первые Россия прорвала ключую проволочку, которой её окружили после 1991 года, во время восстания Абхазии и Южной Осетии, отбивавшихся от кровавого Саакашвили. Русские танки, спеша на помощь осетинам, прошли сквозь Рокский туннель и пробили геополитический туннель в Закавказье.

казье. Это был удар по игу, и игу не вынесло этот удар, отступило.

Я приехал в Цхинвал, когда ещё не просели могилы погибших в уличных боях осетин, ещё не выросла в асфальт отлетевшая от грузинского танка башня, вознившая пушку в портал государственного учреждения.

Русские военные базы Южной Осетии, Абхазии — это форпосты России, выдвинутые за пределы фальшивых, навязанных России границ. Я положил букет цветов на землю в окрестностях Цхинвала, где эту землю поливали кровью российских миротворцы — герои русской контратаки.

Иго потерпело поражение в Закавказье. Начинали бурлить русский Крым, русский Донбасс, русская Новороссия. У ига был страх потерять Украину, что перечёркивало план Бжезинского, путало фигуры на его шахматной доске. Россия, обретая Украину, вновь становилась могучей, неодолимой, соединяла рассечённый народ, возрождала единую экономику, возвращала отторгнутых от России русских в лоно русской истории.

Я приехал на Украину в дни, когда Янукович доживал своё последнее время. Коррумпированный, глухой к нуждам народа, мнимо прорусский, он неуклюже лавировал между западной и российской доминантами, купил, обманывал тех и других, навлекая на себя ненависть народа.

Я двигался по украинским заводам, ещё сохранявшим связи с русской промышленностью, но уже назначенных игом на уничтожение.

На харьковском заводе "Энергоатом" ещё вращался громадный станок, где вытачивался корпус реактора для российской атомной станции. Но этот карусельный станок скоро остановится, и сияющий металлический сплит так и останется болванкой, которую направят в переплав.

Запорожский моторостроительский завод "Мотор Сич" ещё выпускал двигатели для российских вертолётов Ми-8, но к нему уже тянулась мёртвящая рука ига. И теперь он пустует, и в проломленных снарядами стены дует страшный сквозняк.

Великий советский завод "Ожмаш" в Днепротропске поражал гигантской, выставленной перед входом ракетой, получившей у американцев название "Сатана". Эта ракета удерживала натиск Америки на Советский Союз, и завод продолжал готовить для России ракетные разгонные блоки, но уже недалеко был час, когда последние русские заказы уйдут с завода, и он остановится, огромный, нелепый, умерщвлённый игом.

"КБ Антонова" ещё недавно строил гигантские "Антеи", столь огромные, что на одном из них перевозили за Урал небольшой завод. Там под навесом стояла великопеленная "Мрия" — чудо советского самолётостроения, крылатый гигант, который доставил на Байконур космический челнок "Буран". "Мрия" была прекрасна, но уже приближались дни, когда её растерзанные бомбами и снарядами обломки будут дымиться среди разорённых цехов.

Там, в "КБ Антонова", я видел самолёт на испытательном стенде, который подвергался нагрузкам. Самолёт был закован в цепи, окутан стальными верёвками. На него давил гигантский пресс, в него возназлись свёрла, его ломали, гнули. Он стонал, хрустел, мучился, был похож на узника, которого пытали в застенке. И этот самолёт был Украиной. И я чувствовал её муку. Украина была прекрасной женщиной, босой, в белой рубашке, которую вели на эшафот.

Тогда же я побывал на Майдане. Я был там за несколько дней до того, как улица Грушевского стала красной от крови. Помню брезентовые, растянутые верёвками, палаты. Снежная позёмка летела по брезенту, шевелила наспех приколотый к палатке портрет Бандеры. В сумрачном небе горела огненная плазма. На деревянный помост выходили один за другим люди и возводили хулу на Россию. Ненависть и хула лились непрерывно, один ненавистник сменялся другим. Казалось, был открыт какой-то подземный ключ, из которого хлестала эта ненависть, это злобное поношение.

Было холодно. Среди толпы были растащены железные бочки. В них горели дрова. Люди подходили, совали руки в эти бочки и грели застывшие пальцы.

Я сунул руки в бочку. Рядом со мной несколько парней сунули в бочку свои застывшие руки. На меня смотрели ненавидящие глаза. Мне кажется, они узнавали меня, по мере того, как они узнавали, ненависть в их глазах прибывала. Друзья увели меня с Майдана, боясь, что меня растерзают.

Из этой железной бочки с тлеющими углями вырвался государственный переворот. Из неё, из этой бочки, трусливо убежал Янукович, хлынула похожая на расплавленную лаву ненависть, заливая украинские города. Эта ненависть спалила в Одессе сторонников русской идеи. В Харькове эта ненависть забила насмерть активистов прорусской партии. Должно быть, те парни, что грели со мной руки в железной бочке, уже

были бойцами батальона "Азов"***, и их кожу испытывали татуировки кельтских крестов, рунических молний и фашистских свастики.

Лаву ненависти хлынула в Крым и была остановлена. Когда я приехал в украинский Крым, мне казалось, что он стонет. Стенали могилы павших на Крымской войне русских героев. Стенали могилы Великой Отечественной, отстающих Севастополя и павших при штурме Сапун-горы. Стенал дворец в Ливадии, где три великих мировых деятеля делили мир и устанавливали послевоенный порядок. Стенал Черноморский флот, который всё ещё поднимался России, но Украина запрещала пополнять его новыми кораблями, и флот дряхлел и ветшал, становился бессильным, и слышались разорывы о том, что скоро русские покинут бухту, и НАТО установит здесь свою военную базу. Стенал Коктебеле, куда в советское время съезжались писатели из всех областей Союза, а теперь бражничали украинские богачи. Стенал Херсонес — великое таинственное место, где когда-то в купель окунул свои стопы князь Владимир, получил крещение и крестил все великие русские пространства от Карпат до Тихого океана, от Балтики до Чёрного моря.

В Херсонесе стоял недостроенный храм, было пустынно, и пахло розы печально и обречённо. Херсонес — священное для России место. От алтаря Херсонеса повелись все пять великих российских империй: первая — Киев-Новгородская, вторая — Московское царство, третья — романовская, трёхсотлетняя, четвёртая — огненная сталинская, и нынешняя, пятая, созидаемая Путиным.

Херсонес во всю тысячелетнюю историю России своим таинственным светомодом пытается русскую историю негасимым светом. Погубить Херсонес, разорвать световод — значит обречь Россию на иссыхание, омертвление, отключить её от божественных, люющих в русской истории световосных сил.

Все русские войны от самых древних, великих и малоизвестных — были битвы за Херсонес. Крымская война была битвой за Херсонес. Куликовская сеча была битвой

за Херсонес. Ледовое побоище было битвой за Херсонес. Сталинград и Прохоровка были битвами за Херсонес.

Потражающая картина Дейнеки, на которой изображена атака русской морской пехоты, сбивающей с позиций фашистов. В этой атаке такая мощь, такая недолимая сила, что немцы падают не от пуль, не от взрывов гранат, а от этой разящей силы. Это русская контратака, отшибающая фашистов от Херсонеса. Иго, загвававшее Украину своей чёрной спермой, подбираясь к Херсонесу, и Крым восстал. Крымская весна — это была очередная битва за Херсонес. Возвращение Крыма в Россию было возвращением России Херсонеса — восстановлением мистического световода, который был расщеплён Ельциным в 1991-м в Беловежской пушке.

Русский народ воспринял возвращение Крыма как чудо, как божественное провидение. Это было чудо обретения Херсонеса. Из Крыма в небо взлетел ангел Херсонеса и озарил всю русскую жизнь.

Крымский мост через Керченский пролив, соединяющий Крым с материковой Россией, — это мост, ведущий к Херсонесу, мост, ведущий к русскому чуду. По этому мосту в Крым двигаются не только туристы и отдыхающие, не только железнодорожные составы с хозяйственными грузами, не только потоки электричества и газа, но и платформы, гружённые танками, эшелоны с войсками. Через Крымский мост совершается русская контратака. Эту контратаку ведёт ангел Херсонеса.

В Кремле, в Георгиевском зале, я слушал крымскую речь Путина. Меня окружали сенаторы, министры, художники, инженеры, генералы, вся верховная власть России. И все ликовали, все были озаарены случившимся чудом. Каждое слово Путина сопровождалось аплодисментами. Сам Путин был крайне взволнован. Его речи обычно точные, спокойные, пожалуй, даже холодные. Сейчас он ужасно волновался. Его лицо ходило, одни слова наступали другие. Это не была речь победителя, не была речь кулесника, сотворившего чудо. Это была речь государственника, понимающего, что возвращение Крыма означает грозный период русской истории. Иго, потерявшее Крым, обрушит на Россию всю мощь своего негодования. Казалось, Путин предвидел взрывы газопроводов "Северного потока", лавину санкций, уход из России тысяч западных предприятий, эмбарго на поставку технологий, закрытые рынков, удары по финансовой системе, ускорение работающих в Германии, Франции, Америке оборонных конвейеров.

Зал, нивимавший Путину, не ведал об этом, а он уже знал, что возвращение Крыма, который, казалось, иго уступило без боя, обернётся для России сокрушительным ударом, всей мощью ненавидящей Россию западной цивилизации. И теперь проверяется на прочность вся архитектура Государства Российского, которую он возводил в предшествующие годы, предчувствуя эту неминуемую свхатку.

Вскоре я слушал Путина в его кабинете в Кремле. Он рассказывал мне подробности чудесного возвращения Крыма, которое стоило ему колоссальных усилий, огромных рисков. Он верил в чудо русской истории, которая пережила самые страшные, чёрные периоды своего упадка и шла по восходящей волне русской синусоиды от великих потрясений к величию. Именно тогда, в его кабинете, я назвал его Путиным-Таврическим.

Ещё в пору украинского господства чудо извещало Россию о своём приближении. Оно посыпало гонцов. Не все углядывали эту суть о чуде. Путин угадывал. Сочинской олимпиаде предшествовало грандиозное действие — мистерия на открытом воздухе, и первой частью этой мистерии было появление из вод града Китежа, когда один за другим возносились узорные купола, золочённые кресты, волшебные шатры. Град Китеж, укравшийся на дне озера Светлояр от врагов, сегодня поднимался во всей своей красоте и величии. Это поднимался Крым.

На телевидении прошёл удивительный сюжет, вызвавший смехи иронично настроенных журналистов. В этом сюжете Путин в акваланге и ластах опускался на дно Чёрного моря и доставал греческую амфору. Все называли этот сюжет постановочным. Никто не ведал, что Путин поднимал со дна морского не амфору — он поднимал Крым. Крым, готовый вернуться в Россию, извещал о себе волшебной мистерией, божественным, поднятм со дна сосудом.

Возвращение в Россию Донбасса ознаменовалось воём снарядами, блопостами ополченцев, растерзанными на улицах Донбасса телами детей и женщин.

* Иностранец агент

** Запрещённая в РФ террористическая организация